

лев ошанин

я

и

тѣ

ЛЕВ ОШАНИН

Я / И
ТЫ

НОВЫЕ
СТИХИ
И ПЕСНИ

Советский писатель, Москва 1962

«Я и ты» — книга новых
стихов и песен, написанных
поэтом за последние два года.

**І. САМОЛЕТ ПОШЕЛ
НА БОГУЧАНЫ**

Меня душа зовет туда,
Где енисейская вода,
Где между бережных высот
Как птица облачко плывет.
Где можно без обиняков,
Без телеграмм и без звонков
Обнять друзей сибиряков.
Где можно в звездной тишине
Побыть с волной наедине.
Побыть с тайгой наедине.
И, вслушиваясь в синеву,
Острее чувствовать Москву.

БИРЮСА ¹

1

Как сделать большую долбленую лодку,
Чтоб знала осадку, имела походку,
Чтоб вольно плыла по реке Бирюсе?
Как сделать такую хорошую лодку?
Здесь все это знают, умеют не все.

А надо тут дерево выбрать сначала.
Быть может, сосну, что ветрами качало?
Тут всюду и кедры разбросаны щедро, —
Что ж, сделать из кедра? Да нет, не из кедра.
Ступай-ка в тайгу по тропинке лосиной,
Найди между сосен и кедров осину,
Прямую и полную телом осину,
Простую осину, —

давай-ка не будем

Дарить ее запросто сукину сыну
Иуде.

¹ Есть две Бирюсы в Красноярском крае. Шумит в Бирюсинских пещерах одна, Вторая иначе зовется «Она». Бессонно спешит к Ангаре вторая.

Здесь в Плахино древний закон невредимый.
Здесь знают ей цену — осине родимой.
А как ее сделать долбленкой речной?
Показывал это мне мастер сплавной.

Очисти ее от коры, золотую,
И клинышек вырежь, как дольку, в длину.
А там, как учили еще в старину,
Берись за работу как будто простую, —
Все лишнее вынь у нее изнутри.
И выстукай, выслушай, осмотри
Ее деревянную душу пустую.
Что надо теперь ей? Поддай огонька,
Такого, что он до нее не достанет,
Он только ее растревожит слегка...
Она потрещит, поворчит и устанет...
Устанет, и разом, без помощи рук,
Послушно сама она вся развернется, —
Вставляй тогда прочный сосновый упруг,
Чтоб были борта как бока иноходца...
И в солнечный полдень, а хочешь под вечер
Бери ее, легонькую, на плечи.
И вот с твоего бережка, как с порога,
В поход бирюсинская вышла пирога.
И ты, городская, садись, недотрога!
Лихая долбленка, сидит она низко,
Идет по глубинам и к отмелям близко...
И там, где она, —

вся округа жива

Шмелиным гуденьем мотора «Москва».
Я славлю умельцев — от прадеда к сыну,
Реку Бирюсу и родную осину.

Ты завидуй той девчонке,
 Что плывет в лесной росе
 На осиновой долбленке
 Вверх по синей Бирюсе.
 Вьется легкая косынка,
 Ветерок дразня тугой.
 Люба, Люба-бирюсинка,
 Ты прощаешься с тайгой.
 ...Гари, пади да болота
 Без дорог и проводов
 За четыре самолета
 От высоких городов...
 Но зато в речных изломах
 От горы и до горы
 Каждый кедр — ее знакомый
 Вплоть до самой Ангары.
 Все здесь было Любе любо,
 Было домом и душой...
 Едет Люба, едет Люба
 На простор земли большой.
 Кедр над нею лапу поднял,
 Как в былые вечера.
 Словно не было «сегодня»
 Едет в «завтра» из «вчера».

Тише, ветер. Это кто там?
 Это луч сквозь облака
 Осветил за поворотом
 Молодого лесника.

Он глядит ей вслед, как снится...
Словно пишет: жди, скучай.
...Только вскинула ресницы
И запела невзначай.
Обо всем, что сердце будит
И зовет в заветный путь.
Обо всем, что завтра будет,
И о том, что не вернуть.

Не завидуй звездным кручам,
Людам сильным, как гора,
Не завидуй самым лучшим,
Что прославлены вчера.
Ты завидуй той девчонке,
Что плывет в лесной росе
На осиновой долбленке
Вверх по синей Бирюсе.

ИНОЙ ОГОНЬ

В тайге так дорог свет из окон,
Мелькнувший хоть на пять минут.
Как ни далек, ни одинок он,
А путники его найдут.
Никто тут гостя не осудит,
Что постучит он в час ночной.
И будет кров, и ужин будет.

...Но есть огонь совсем иной.
Огонь, в котором мало прока...

На чей ступили мы порог?
Здесь, говорят, жилье пророка?
Вот перед нами он, пророк!
Не поднимаясь к нам навстречу,
Глядит он молча, хмур, не рад.
Нет, здесь еды на стол не мечут
И медовухой не поят.
Да кто такой он, этот малый?
Высок, красив со стороны...
Какой грозой его сломало
И записало в трясуну?
Он молодой. Ему бы сеять
Пшеницу — плоть родной земли.

Ему б вести по Енисею
Серебряные корабли.
А он в ночи, во тьме пророчит,
Забором тяжким огражден.
Он слушать радио не хочет,
Газет читать не хочет он...

Молчит он, сам собою занят,
И ненароком, лишь на миг,
Полночными сверкнув глазами,
Он обнаружит скрытый лик.
В войну такие предавали
Свои родные берега.
Так в Вене мы на фестивале
Встречали вдруг глаза врага.

...Пора за дверь. Здесь душно, худо.
Пусть тьма ночная глубока,
Я слышал: сорок верст отсюда
Была заимка лесника.

* * *

Самолет пошел на Богучаны...
Это старое ангарское село,
До бровей его снегами замело.
Там тайга, да Ангара, да все бело.
Сколько раз его пожарами пожгло,
Поднималось оно зло да тяжело,
Знало лишь силок, да вершу, да весло.
А какой там царь, какое там число —
То село и бровью не вело...
А теперь над ним свистящее крыло, —
Самолет пошел на Богучаны...

* * *

«Когда к тебе я тронусь в дальний путь,
Что взять с собой?» — она в письме спросила.
— Свой голос захвати, свой запах милый,
Улыбки доброй дома не забудь.

В этих чашах, где кедров свой возраст забыли,
Где бы мог целый город бесследно пропасть, —
Прямо в завтра победно идут по Сибири
Электричество и Советская власть.

По веселым огням, по машинному стуку
Этот путь узнают на любом берегу.
Это Ленин, прищурившись, вытянул руку,
Перерезав болота, раздвинув тайгу.

И кто-то в Игарке успеет напиться,
И кто-то отстанет в Дудинском порту.
А ты обойди недовольного дядю,
Что вечно брюзжит, чьи слова как гроши.
Влюбленно в волну енисейскую глядя,
Великим российским простором дыши.
А волны, а ветер — как звон колокольный...
Я слушал их здесь, никуда не спеша.
И было мне так хорошо и раздольно,
И так над волной молодела душа.